

REFERENCES

Zymomria M. I., & Naumenko N. V. (2016). Pidteksty na tli literaturnoho protsesu [Subtext against the background of the literary process.] *Naukovi zapysky Ternopil'skoho NPU imeni V. Hnatiuka. Seriya: Literaturознавство — Scientific notes of the Ternopil' National Pedagogical University. Series: Literary Studies*. M. P. Tkachuk (Ed.). Ternopil': TNPU [in Ukrainian].

Zymomria M. I., & Naumenko N. V. (2014). Sutnist modernizmu: sprobа okreslennia linii yevropeiskoi literatury porubizhia stolit. [The essence of modernism: an attempt to outline the lines of European literature at the turn of the century.] *Naukovi zapysky Ternopil'skoho NPU imeni V. Hnatiuka. Seriya: Literaturознавство — Scientific notes of the Ternopil' National Pedagogical University. Series: Literary Studies*. M. P. Tkachuk (Ed.). Ternopil': TNPU [in Ukrainian].

Zymomria M. I. (2014). Rehuliatyvnyi znak stratehii. Naumenko Nataliia. Komu ne mrialos', scho ye neznana Muza...: literaturno-krytychni statii [Regulatory sign of the strategy. Naumenko Natalia. Who haven't dreamt that there is an unknown Muse...: literary critical articles]. Kyiv: Stal' [in Ukrainian].

Kovaliv Yu.I. (2018). Dnipropetrovski kolizii romanu “Sobor” Olesia Honchara na tli dehumanizatsii. [Dnipropetrovsk collisions of the novel “Cathedral” by Oles' Gonchar against the background of dehumanization]. *Zbirnyk naukovykh prats' Poltavskoho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu imeni V. H. Korolenka — Collection of scientific works of the Poltava State Pedagogical University*, 1, 105–109 [in Ukrainian].

Kovaliv Yu.I. (2019). Ivan Kocherha: “Maistry chasu” [Ivan Kocherha: Masters of time.] <https://fantlab.ru> Retrieved from [https://fantlab.ru/user64490/blog/tag/Ivan %20Kocherha](https://fantlab.ru/user64490/blog/tag/Ivan%20Kocherha) [in Ukrainian].

Kovaliv Yu.I. (2018). Kost' Herasymenko [Kost' Herasymenko]. *Slovo i Chas — Word and time*, 5, 64–65 [in Ukrainian].

Kovaliv Yu.I. (2004). “Praz'ka shkōl”: na krutoskhylyakh vid “filosofii sertsia” do “filosofii chynu” [“Prague School”: on steep slopes from “philosophy of the heart” to “philosophy of rank”]. Kyiv: Biblioteka ukrainsia [in Ukrainian].

Naumenko N. V. (2010). Serpantynni dorohy poezii: pryroda ta tendentsii rozvytku ukrainskoho verlibru: monohrafiia [Serpentine roads of poetry: nature and trends in the development of the Ukrainian free verse: monograph]. Kyiv: Stal' [in Ukrainian].

Semeniuk H. F., Huliak A. B. & Naumenko N. V. (2015). Literaturna maisternist' pysmennyka: pidruchnyk [Literary skills of a writer: textbook]. Kyiv: Stal' [in Ukrainian].

Yak bude vyhliadaty nasha planeta cherez 250 milioniv roki. [What will our planet look like in 250 million years]. (n.d.). <https://www.imena.ua> Retrieved from <https://www.imena.ua/blog/our-planet-in-250-million-years/> [in Ukrainian].

Radyshevskiy R., & Zymomria M. I. (Eds.). (2010). *Literatura. Sotsium. Epokha: yuvileinyi zbirnyk na poshanu doktora filolohichnykh nauk, profesora Oleksandra Astafieva [Literature. Society. Epoch: Anniversary Collection in honor of Doctor of philology, Professor Alexander Astafyev]*. Kyiv — Drohobych: Posvit [in Ukrainian].

Стаття надійшла до редакції 08.08.2020

УДК 81'37

ЗАБЫТЫЙ ПЕРСОНАЖ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ: *КАНТЫСАР (РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОРМЫ МИФОНИМА И СЕМАНТИКИ ОБРАЗА)

Александр Илиади

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методик дошкольного и начального обучения Центральноукраинского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко,

Кропивницкий, Украина

e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается этимологический анализ имени мифологического персонажа Царь Хан из текста малорусского заклинания от змеиного укуса. Ряд признаков подсказывает, что мы имеем дело с расцепленной в результате переосмысления формой *Кантысар, след которой угадывается в архаичной украинской лексике похоронного обряда. В частности тут упомянут хозяин могил, взимающий плату с умерших за место под землей. Дальнейшие поиски источника слова приводят к выводу об отражении в *Кантысар аланского *Kanti sar «Хозяин могил» или «Подземный хозяин». Учет контекста слова и сопутствующей семиотики позволяет в общих чертах установить семантику его образа и поставить его в один ряд с другими фигурами славянской демонологии, также воспринятыми из иранского источника. Адаптация инородной мифологической фигуры к системе образов славянской мифологии стала возможной благодаря функциональной близости *Кантысар к местным хтоническим персонажам, с которыми он был отождествлен.

Попутно с этимологией имени Кантысар устанавливается генезис имени украинского демонологического персонажа довомэд 'наполовину — зверь, наполовину — человек' (< алан. *dewaga-mand, *dewga-mand 'одержимый демоном').

Ключевые слова: этимология, реконструкция, производное, мифоним, демонология.

Введение. Мифологическое сознание архаичных славян породило целую плеяду богов, героев и разномастных чудовищ, в изобилии заселивших мир славянских сказок. Однако известен ряд персонажей, которые существуют вне сюжетных рамок сказок и былин, потому их образы (повадки, функции, атрибуты, отношение к остальным героям) размыты, внешний облик часто четко не прописан, а подчас все, что мы о них знаем, это их имена. Если имя оказывается этимологически прозрачным, т. е. сохраняет связь с группой однокоренных слов, есть возможность представить характер его обладателя, хотя бы в общих чертах — на уровне апеллативной семантики (ср. укр. диал. *щйзн-ик*, *щез-эн* ‘леший’ < *щйзнути*, *щезбти*). Но как быть, если его структура затемнена?

Сведения о таких мифонимах доносят тексты малых фольклорных жанров (заклинаний, заговоров-молитв от болезней, сглаза, похоронных причитаний, непосредственно связанных с язычеством) или этнографическая лексика, собранная диалектологами. Сложно объяснить оторванность этой мифологической «фауны» от записанных из народных уст сказочных сюжетов: история, в которой жил соответствующий персонаж, могла давно забыться или же остаться вне поля зрения собирателей фольклора. С другой стороны, ряд персонажей демонологии потенциально мог иметь несколько имен, только под одним (табуированным) они выступают в эпосе, сказках, легендах, а под другим — в молитвах, заклипаниях, ритуальных текстах-диалогах, сама специфика которых (апелляция к сверхъестественному) требовала называть вещи своими именами.

Этимологический анализ. Интересный пример стертости образа древнего мифологического персонажа представляет текст одного заклинания от укуса гадюки, записанного в середине XIX в. в Черниговской губернии. Приведем его здесь полностью: «Помолимся Богу и Матери Божой, Пречистой, Святой, и всем Святым, Преподобным. «Под сонцем под жорстоким, и под лесом, под черным, под высоким, там стоит верба; под тоєю вербою сем сот коренев, и на той вербе сем сот канатов, и на тех канатах сидит Царь Хан и Царица Ханиця; и прошу я Царя Хана и Царицы Ханицы, и властников их, и да помогите, и вымите три зубы лихих з рижого коня (или з раба Божого) з крови черной, з кости жовтої, з шерсти рижой» (Ефименко, 1874: 18). Здесь привлекает внимание имя персонажа, к которому апелли-

рует лицо, произносящее заговор, т. е. *Царь Хан*. Вторая мифологическая фигура, названная в заговоре, не представляет особого интереса: она образует формальную оппозицию в паре «мужчина — женщина» по образцу повторяющейся во многих восточнославянских заговорах-молитвах пары *Царь Небесный — Царица Небесная*; на это же указывает производность её имени (суфф. *-иц-*) от *Царь Хан*.

Принять *Царь Хан* как парное употребление славянского и тюркского титулов властителя мешает отсутствие видимой логики в подобном совмещении. Типологические аналогии, удостоверяющие саму возможность такой конструкции на других примерах, нам не известны (приходящее на ум рус. диал. *царь-мурат* ‘чертополох’, ‘репей’, ‘осот’, ‘волчец’, ‘колючка’, *Carduus*, ‘татарин’, ‘мордвинник’ (Даль, 2006: 554), во-первых, имеет во второй части не титул, а мусульманский антропоним *Мурад*, *Мурат*, а во-вторых, это название растения, не помогающего при змеином укусе, а посему не способно к персонализации в заговоре как силы, способной защитить имярека; оно вообще не вписывается в приведенный заговор). Точно так же едва ли правильно видеть в *Царь Хан* титул славянского монарха и его имя *Хан*, т. к. последнее отсутствует в русском и украинском именнике, как в языческом, так и православном. Поэтому возникает подозрение, что перед нами переделка неизвестного мифонима-композиата: в какой-то момент своей истории он под давлением лексических ассоциаций был расщеплен на две части, *царь* & *хан* в согласии с фольклорной традицией, где оба слова являются маркерами текстов нескольких жанров (сказок и героического эпоса), ср. рус. *Царь зимы*, *Царь-девица*, *Царь-птица* (орёл) — сказочное создание, *Царь-змея* — сказочная, слепая, белая змейка, которой все змеи подвластны и пр. (Даль, 2006: 554).

Вряд ли реконструкция первоначальной формы может быть сведена просто к объединению двух имен в одно, поскольку неизвестно, насколько далеко зашла перестройка его прототипа, и что при этом было потеряно. Нет уверенности и в том, был ли зафиксированный порядок частей $\text{Ц}_1 + \text{X}_2$ изначальным. Прежде чем делать какие-либо предположения о реконструкции формы названия, присмотримся внимательно к реалиям, сопутствующим его носителю. Оставляя в стороне эпитеты солнца, леса, часто начинающие заклинания, обратимся к описанию места, где живет *Царь Хан*: это тёмный (чёрный)

лес, в котором находится верба с лабиринтом корней, и их, как и прочих атрибутов вербы (канатов, на которых сидят *Царь Хан* и *Царица Ханиця*), семь сотен. Семь — одно из ряда нечетных чисел, сыгравших значительную роль в восприятии славянами пространства и времени. Наряду с 1, 3, 5, 9 ему приписывалось положительное значение в бытовой, земледельческой и лечебной магии, магии снятия порчи, погребальном и свадебном обрядах, в ритуальных трапезах, в обычаях строительства дома, выбора тропы в лесу и ручья для водопоя (Толстая, 2012а: 538–541; Толстая, 2012б: 545), и в рассматриваемом заговоре, являющем пример лечебной магии, число «семь» также имеет положительную коннотацию. Сам образ темного леса и дерева с уходящей в землю сетью корней определенно является отсылкой к подземному миру, и *Царь Хан*, видимо, также может быть определен как хтоническая фигура. Косвенно на это указывает предназначение заговора быть защитой от укуса змеи, т. е. существа, непосредственно связанного с землей, потому логично, что мифологический персонаж, к которому обращен призыв о защите от змей, сам должен сам иметь власть над земными и подземными гадами. Такая сила дана существу, именуемому в русском фольклоре как *Царь-змея*, которому подвластны все змеи (см. выше) и которому в тексте соответствует близкий по функции образ *Хана Царя*.

Таким образом, все, что можно извлечь из небольшого текста, это идея об отражении в нем забытой фигуры хозяина подземного мира, повелевающего змеями. То, что он изображён сидящим на канатах, а не в корнях, вероятно понимать как зеркальное отражение подземного мира в земном: «низ (корни)» VS «верх (крона)», т. е. семьсот канатов — пространственный коррелят к семистам *корням*. Осью, пронизывающей оба уровня, является верба как ипостась Мирового древа — оси мира.

Восстановлению изначального облика мифонима и расширению наших представлений о функциях его носителя помогают данные народной демонологии. В говоре нп Зелёная Долина (Терновский городской совет Днепропетровской обл.) был записан любопытный этнографизм *кантисбр*. Отвечая на вопрос из диалектологической анкеты «Лексика і фразеологія поховального обряду» (сост. Т. В. Громко; Кировоград, 2015) «Что кладут в гроб вместе с покойным?», эксплораторы перечислили несколько предметов, среди которых были

медные монеты. Объясняя смысл этой традиции, информатор сказал, что «під землею є *Кантисар*-хазяїн, який з небіжчика бере гроші за місце, і йому померлий мусить заплатити». Нет сомнений в том, что этот обычай связан с древним обычаем бросать в могилу медные деньги, который малорусские крестьяне конца XIX в. объясняли необходимостью платить за место живущему под землей *дідьку*, чтобы он не прогонял покойника. Так см.: (Ящуржинский, 1898: 94), где сделан вывод «Слово «дідько» в малорусской демонологии заменяет собою древние русские низшие божества: и леший — дідько, и домовый — дідько, и водяной — дідько — название, стоящее в несомненной связи с мифическим существом «Дид». Таким образом, в обычае бросать в гроб деньги видна вера в подземное царство и в существо, которое им владеет». Очень похоже, что за именем *Кантисар-хазяїн* скрывается все тот же *дідько*, только названный по-другому. В *Кантисар* и *Царь Хан* угадывается единый образ хозяина подземного мира, представленный двумя функциональными ипостасями: повелителя земных гадов в заговоре-молитве и властелина мертвых, который взимает с них дань, в легенде, объясняющей обычай класть деньги в гроб или могилу. *Кантисар* оказывается этимологически авторитетной формой, объясняющей наше *Царь Хан*, вернее — **Хан Царь*: это последнее с большой долей уверенности может быть истолковано как расщепление изначального *Кантисар*, сопровождавшееся синкопой слога [mi], преобразованием **Кан Сар* в **Хан Царь* и далее — их инверсией.

Однако в славянском вокабулярии мифоним *Кантысар* оказывается этимологически изолированным, не имея достоверных лексико-словообразовательных связей с какой-либо группой слов. Поэтому соответствия ему приходится искать за пределами славянских языков. Сплошное обследование вокабулярия всех народов, соприкасавшихся со славянами, — задача, решаемая только в рамках комплексного этимологического исследования авторского коллектива, потому ограничимся лишь лексикой и фразеологией ритуальных текстов, где упоминаются мертвые и связанные с их культом реалии, традиции. Как нам представляется, подсказку, проливающую свет на природу образа **Кантысара* и генезис его имени, содержит осетинский лексикон женских клятв, ср. тут редко употребительное слово *кжнтж* ‘обитатели подземного мира’, отмеченное в выражении *narti кжнтж*

в составе «Narti kžnti stžn, somi din kžnun». Далее приведем толкование этой клятвы, предложенное осетинским иранистом Ю. А. Дзиццойты: «Поскольку, однако, осетинки часто клянутся именем своих покойников и поскольку в осетинском языке существует выражение «отправиться к нартам» (т. е. «на тот свет»), приведенную фразу можно перевести так: «клянусь именем нартовских покойников» или «клянусь могилами нартов». Слово *kžntž* в этом случае следует связать с иран. **kan-* ‘копать’. Следовательно, *kžntž* — это «закопанные», «покойники» или «могилы»» (Дзиццойты, 1992: 164, 165). Вторая часть **Kantysar* без натяжек отождествляется с осет. *žer* ‘голова’, ‘личность’ (Абаев, 1979 (3: 73–76), употребленным как ‘глава’, ‘правитель’. Мы получаем гипотетическое сармато-аланское имя демона **Kanti-sar*; общая семантика сложения, таким образом, восстанавливается, как «Хозяин могил» или шире — «Подземный хозяин». Разумеется, речь идет не о хозяине царства мертвых, т. к. в мифологии осетин и их предков-алан это была вотчина божества *Barastyr* (*Barastžer*) (Абаев, 1958 (1: 236); Дзиццойты, 1992: 165), а о более мелком персонаже из разряда демонов. Интересны имя владельца Причерноморской страны в нартовском эпосе *Kžnti žer*, представляющее контаминацию первичного *Kžstysžer* (Кафтисар) с *kžntž* ‘обитатели подземного мира’, и вторичная функция Кафтисара как хозяина подземного (загробного) царства или рая (Дзиццойты, 1992: 165). Этот, на первый взгляд, малозначимый факт говорит о допустимости существования клише из *kžntž* & *žer* как аланского имени хозяина могил, образ которого мог войти в славянский фольклор, будучи отождествленным с близкими ему персонажами местной демонологии.

Итак, мы имеем славянский языческий заговор, обрамленный атрибутами христианской семиотики — именами святых. Вписанные в рамки молитвы, такие заклинания сохранялись до недавнего времени, пока была жива сама народная культура заговоров-молитв. В текстах этого рода часто продолжают жить мифологические персонажи, которые на каком-то витке истории народной поэтической традиции ушли из больших фольклорных жанров, удовлетвовавшись ролью скромной и малопонятной следующим поколениям носителей этой традиции. Одной из таких демонических фигур, возможно, был **Kantysar*, воспринятый какой-то частью древних славян из сарма-

то-аланской среды и sporadически сохранившийся в языке ритуала благодаря функциональной близости к низшим божествам славянского язычества, которым приписывалась власть над земными недрами и связанными с ними змеями. Конечно, известный сегодня материал явно не достаточен для четкой обрисовки этого образа: его детали размыты, привязка к атрибутам весьма условна, а имя допускает варианты толкования, но при опоре на, хоть и единичный, но семантически однозначный осетинский пример, предложенная этимология получает право на существование, пока не появится более убедительная версия.

Впрочем, в русском героическом эпосе есть одна демоническая сущность, которая показывает близкие *Kantysaru* черты. Речь идет о былинном Соловье-разбойнике:

1) он сидит на *семи дубах* («А у той-то ведь у грязи да у Черные, — А у той-ли ведь у речки у Черниговской, — А сидит Соловей разбойник он Рахмйнтович, — А сидит Соловей-то он да на семи дубах» (Онежские былины, 1894: 419), и это явная перекличка с «расщеплённым» *Kantysarom*, чьи чертоги на *семистах канатах* на вербе (см. выше). Попутно отметим, что синтаксические сочетания с числительными *семь* и *семьсот* здесь, видимо, воспроизводят варианты древней формулы эпического языка, которая описывает мироустройство: *семьсот канатов & семь дубов & семь поясов (небесных)*. В деталях его (мира) описания просвечивает языческая основа славянской космологии. Ср. еще: «Мудрено сотворено. Премудры дела Твои, Господи. На семи поясах Бог поставил звездное течение. Над семью поясами небесными сам Бог, превыше Его Покров ...» (Даль, 1879: 351);

2) в образе Соловья, по мнению Б. Н. Путилова, «есть рудименты представлений о фантастическом страже, стоящем на границе между земным и «иным» миром» (цит. по: Абдуллаев, 2013: 667: сноска 20). Любопытно, что эта сущность также имеет тесные связи с иранской мифологией: тексты «Авесты», в содержании которых распознается скифская струя (скифские мифологические предания, мотивы и образы могли войти в первоначальное ядро «Авесты» (Абаев, 1990: 28), обнаруживают именование царя Йимы через патроним *vīvanhānadj.* от *Vīvahvant-* — имя его отца (*Вивахвантов сын*). И это последнее, согласно Е. В. Абдуллаеву, объясняет отчество Соловья-Разбойника *Одихмантьева сына*, т. е. испытывавшее перестройку структуры в славян-

ском *Одихмантій заключает в себе форму, близкую авест. *Vīvahvant-*. Сам же Йима, как и Соловей, имеет отношение к царству мертвых (подробнее см.: Абдуллаев, 2013: 665–667). Если быть точным, то в предполагаемом имени *Одихмантій нужно видеть прототип с альтернативным формантом *-mant-*, т. е. **Vīvahmant-* (авест. *Vīvahvant-* этимологически и морфологически идентично др.-инд. вед. мифолог. имени *Vivṛsvant-* (отец Ямы), соотносительному с *vṛvasvant-* (*vivṛs*) ‘сияющий, блестящий’ (Bartholomae, 1904: 1452; Mayrhofer, 1979: 98), *vṛ-vasvat*, *vi-vṛsvat* ‘светящий вперед’, ‘распространяющий (утренний) свет’ наряду с *vi-vāsa* ‘то же’, ‘рассвет, заря’ (Monier-Williams, 1988: 987).

Общие свойства двух малозначимых персонажей из когорты восточнославянских демонов позволяют выделить устойчивый ряд символов, проясняющих образ некоего единого хтонического существа и его функции.

Нет сомнений в том, что аланский вклад в мифологическую лексику восточных славян не исчерпывается этими двумя примерами. Они лишь часть культурного наследия древнего иранского народа; это наследие достойно отдельного монографического описания в интересах не только этимологии (иранской и славянской), но также смежных гуманитарных дисциплин. Здесь мы пользуемся возможностью бегло рассмотреть еще одно слово, возможно, заимствованное славянами из аланской речи. Подобно рассмотренным выше, оно также обозначает персонажа низшей демонологии: это укр. диал. *довгомэд* ‘сказочное существо (по одной сказке — полузверь, получеловек, по другой сказке — хорь)’ (Словарь, 1907: 402). Формально первая часть лексемы совпадает с украинским рефлексом псл. **dblǫz* ‘длинный, долгий’, соотношение же второго компонента с какой-либо группой однокоренных слов затруднительно. Предположительно, в *довгомэд* представлено народноэтимологическое переосмысление алан. **dewaga-mand*, **dewga-mand* (< **dewaka-mand*; к эволюции суфф. — *ak-* > *-g-* в безударной позиции ср. осет. *Wacamongж* < **vācyā-ātānaka-* (Абаев, 1989 (4): 29–30) ‘одержимый дэвом (демоном)’. Оно образовано от среднеиранской формы к праиран. **daiyaka-* ‘дэв’ (см. о ней в: Расторгуева, Эдельман, 2003: 308) посредством форманта *-mand* (< **-mant-*) для деривации прилагательных со значением обладания чем-либо, наделённостью чем-то. Заимствование относится к

эпохе, когда носовые гласные еще не были утрачены в славянском, потому исход *-and* закономерно трактовался как *-od-* с дальнейшей потерей ринезма **deu[a]gamǫz* > **dewgamudǫz* и ещё более поздним переосмыслением начала слова как укр. *довго-*.

Вопреки близкому фонетическому сходству со ст.-рус. именами Степан Семенов сын *Долгомуд*, 1545 г. (Кереть), (также в пермских документах) Софонку Сергеева сына *Долгомудова*, 1623 г. (дер. Нердва на р. Обве) (Кюршунова, 2010: 150) укр. *довгомэд* едва ли тождественно им, т. к. они продолжают псл. **dblǫmǫz*, где вторая часть — **mǫz*/**mǫdo* анат. ‘testiculus’ (ср. **bēlomǫz*, **čьrnomǫz*, **golomǫz*, **suxomǫz*, **tьrčimǫz* и др. в: Илиади, 2013: 41–42), семантика которого не имеет ничего общего со значением *довгомэд*.

Вывод. Предложенный выше анализ мифонима в силу ограниченности известного нам материала, конечно, не дает целостного представления об образе соответствующего персонажа из класса демонических существ, но зато показывает его прямое отношение к подземному миру, выявляет элементы, предположительно, языческой космологии и сопутствующей семиотики. Все это образует контекст, в рамках которого устанавливается происхождение самой лексемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1958–1989. Т. I–IV.
- Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра. *Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература.* Владикавказ: Ир, 1990. С. 9–51.
- Абдуллаев Е. В. Zoroastriana-Slavica: о двух восточнославянских параллелях авестийскому Видевдату. *Commentationes Iranicae*: сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. С.-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 661–667.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. С.-Петербург; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1879. Т. I. 1392 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4: Р–Я. 669 с.
- Дзищойты Ю. А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992. 279 с.
- Ефименко П. Сборник малороссийских заклинаний. М.: Университетская типография, 1874. 70 с.
- Илиади А. И. К этимологии и реконструкции группы праславянских адъективов, производных от соматических терминов. *Слов'янські обрії.* 2013. Вип. 5. С. 39–44.

Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. С.-Петербург : Дмитрий Буланин, 2010. 667 с.

Онежские былины, собранные А. Ф. Гильфердингом. *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*. С.-Петербург : Типогр. Императорской АН, 1894. Т. 59. 597 с.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М. : Восточная литература, 2003. Т. 2. 502.

Словарь української мови / [упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко]. К., 1907. Т. 1. 494 с.

Толстая С. М. Чет–Нечет. Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). С. 537–541.

Толстая С. М. Число. Славянские древности: этнолингвистический словарь. М. : Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). С. 544–547.

Ящуржинский Хр. Остатки язычества в погребальных обрядах Малороссии. *Этнографическое обозрение*. 1898. № 3. С. 93–95.

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg : Karl J. Trübner, 1904. 2000 S.
Mayrhofer M. *Iranisches Personennamenbuch*. Band I: Die altiranischen Namen. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 113 S.

Monier-Williams, Monier Sir. *A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. Delhi : Motilal Banarsidass, 1988. 1333 p.

ЗАБУТИЙ ПЕРСОНАЖ СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКОЇ ДЕМОНОЛОГІЇ: *КАНТИСАР (РЕКОНСТРУКЦІЯ ФОРМИ МІФОНІМА Й СЕМАНТИКИ ОБРАЗУ)

Олександр Іліаді

доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри методик дошкільної та початкової освіти Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка,

Кропивницький, Україна
e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

АНОТАЦІЯ

У статті запропоновано етимологічний аналіз імені міфологічного персонажа Царь Хан із тексту малоруського заговору від укусу змії. Ряд ознак підказує, що ми маємо справу з розщепленою через переосмислення формою *Кантисар, слід якої простежується в архаїчній українській лексичній поховального обряду. Зокрема тут згадується хазяїн могил, який стягує плату з померлих за місце під землею. Подальші пошуки джерела слова спонукають до висновку про відбиття в *Кантисар аланського *Kanti sar

«Хазяїн могил» або «Підземний хазяїн». Урахування контексту слова і пов'язано з ним семіотики дозволяє загалом установити семантику його образу й поставити його в один ряд із іншими фігурами слов'янської демонології, також запозиченими з іранського джерела. Адаптація чужорідної міфологічної фігури до системи образів слов'янської міфології стала можливою завдяки функціональній подібності *Кантисар до місцевих хтонічних персонажів, із якими він був ототожнений.

Одночасно з етимологією імені Кантисар встановлюється генеза імені українського демонологічного персонажа догомед 'напівзвір, напівлюдина' (< алан. *dewaga-mand, *dewga-mand 'той, ким оволодів демон').

Ключові слова: етимологія, реконструкція, похідне, міфонім, демонологія.

A FORGOTTEN CHARACTER OF THE EAST SLAVIC DEMONOLOGY: *КАНТИСАР (RECONSTRUCTION OF THE FORM AND SEMANTICS OF THE IMAGE)

Alexander Iliadi

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Methods of Preschool and Primary Education at Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian

State Pedagogical University,
Kropyvnytskyi, Ukraine

e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

SUMMARY

The paper deals with the etymological analysis of the name of mythological character Царь Хан, from the text of a Ukrainian spell for snake bites. A number of signs encourages to think about, that we deal with the result of division and rethinking of the etymological form *Кантисар, the trace of which is found out in archaic Ukrainian vocabulary of burial ritual. Particularly, here the Lord of Graves, which charges payment with dead for a place under the ground, is mentioned. Further search of the etymological source of this word takes us up to the conclusion about reflection of Alanian *Kanti Sar «Lord of Graves» or «Lord of the Underworld» in the *Кантисар. With taking into account of word context and associated semiotics we can figure out in general terms semantics of character of the *Кантисар and place him on a par with other figures of Slavic demonology, also borrowed from the Iranian source. The adaptation of the stranger mythological figure to the characters' system of Slavic mythology was possible due to functional affinity the *Кантисар to indigenous chthonic personages, identified with the *Кантисар.

*Concomitantly with etymology of the name Кантысар the genesis of an Ukrainian demonic name довгомэд 'half-beast and half-man' is defined (< Alanian *dewaga-mand, *dewga-mand 'obsessed with a daemon').*

Key words: *etymology, reconstruction, derivative, mythonym, demonology.*

REFERENCES

- Abaev V. I. (1958–1989). Istoriko-ітимологічний словар' osetinskogo vzyka [Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR ; Nauka. T. I–IV [in Russian].
- Abaev V. I. (1990). Skifskiy byt i reforma Zoroastra [Scythian life and the reform of Zoroaster]. Abaev V. I. Izbrannyye trudy. Religia. Fol'klor. Literatura — Abaev V. I. Selected Works. Religion. Folklore. Literature. Vladikavkaz : Ir, 9–51 [in Russian].
- Abdullaev E. V. (2013). Zoroastriana-Slavica: o dvukh vostochnoslav'anskikh parallel'akh avestiyskomu Videvdatu [Zoroastriana-Slavica: about two Eastern Slavic parallels to Avestan Videvdat]. Commentationes Iranicae: Sbornik statey k 90-letiyu Vladimira Aronovicha Livshitsa — Commentationes Iranicae: Collection of articles on the 90th anniversary of Vladimir Aronovich Livshits. S.-Peterburg : Nestor-Istoria, 661–667 [in Russian].
- Dal' V. I. (1879). Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. S.-Peterburg ; M. : Izd-vo M. O. Vol'fa, T. I [in Russian].
- Dal' V. I. (2006). Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo vzyka [Thesaurus of Russian Language]. Moscow : RIPOL klassik. T. 4: R–B [in Russian].
- Dzitssoity B. A. (1992). Narty i ikh sosed'i: Geograficheskie i itnicheskie nazvaniya v narovskom ipose [Nartas and their neighbors: Geographical and Ethnical names in Nart's epos]. Vladikavkaz : Alania [in Russian].
- Kifmenko P. (1874). Sbornik malorossiyskikh zaklinaniy [The Collection of Malorossiya spells]. Moscow : Universitetskaya tipografiya [in Russian].
- Iliadi A. I. (2013). K itimologii i rekonstruktsii gruppy praslavianskikh adjektivov, proizvodnykh ot somaticheskikh terminov [To the etymology and reconstruction of Proto-Slavic adjectives group, derived from somatic terms]. Slovjans'ki obriyi — Slavonic horizons, Vol. 5, 39–44 [in Russian].
- K'urshunova I. A. (2010). Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvizhch i famil'nykh prozvaniy Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv. [The Dictionary of calendar personal names of north-western Rus XV–XVII centuries]. S.-Peterburg : Dmitriy Bulanin [in Russian].
- Onezhskie byliny, sobrannyye A. F. Gil'ferdingom (1894). [Onega Epics]. Sbornik Otdeleniya russkogo vzyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk — Collection of the Department of Russian languages and literature of the Imperial Academy of Sciences, Vol. 59. S.-Peterburg : Tipogr. Imperatorskoy AN [in Russian].
- Rastorgueva V. S., Idel'man D. I. (2003) Itimologicheskiy slovar' iranskikh vzykov [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Moscow : Vostochnaya literatura. T. 2 [in Russian].
- Slovar' ukraiyins'koyi movy (1907). [Dictionary of the Ukrainian language]. Kiev. T. 1 [in Ukrainian].
- Tolstaya S. M. (2012). Chet–Nechet [Odds and Evens]. Slav'anskie drevnosti: Itnolingvistiicheskiy slovar' — Slavic Antiquities: Ethno-Linguistic dictionary. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya. T. 5, 537–541 [in Russian].

Tolstaya S. M. (2012). Chislo [Number]. Slav'anskie drevnosti: Itnolingvistiicheskiy slovar' — Slavic Antiquities: Ethno-Linguistic dictionary. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya. T. 5, 544–547 [in Russian].

Bshchurzhiinsky Khr. (1898). Ostatki vzychestva v pogrebal'nykh obr'adakh Malorossii [Remnants of paganism in burial rituals of Malorossiya]. Itnograficheskoe obozrenie — Ethnographic Review, № 3, 93–95 [in Russian].

Bartholomae Chr. (1904). Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Karl J. Trübner.

Mayrhofer M. (1979). Iranisches Personennamenbuch. Band I: Die altiranischen Namen. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Monier-Williams, Monier Sir (1988). A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Delhi : Motilal Banarsidass.

Стаття надійшла до редакції 04.07.2020